

С.Я. СУЩИЙ

РУССКИЕ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ В ФОКУСЕ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ: ЭВОЛЮЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПОДХОДОВ И РАКУРСОВ (1990–2020-е гг.)

СУЩИЙ Сергей Яковлевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник, Федерального исследовательского центра Южного научного центра РАН, Ростов-на-Дону, Россия (SS7707@mail.ru).

Аннотация. В статье изучены основные направления социологических исследований русского населения ближнего зарубежья, установлена количественная, тематическая динамика, географические приоритеты публикаций, посвященных данному проблемному комплексу. Выявлено смещение публикационной активности от крупных форм (авторские и коллективные монографии, сборники статей) к научной периодике, количественный пик которой пришелся на вторую половину 2000-х гг. Из ведущих российских социологических журналов максимальное внимание проблематике зарубеж-ных русских уделял журнал «Социологические исследования», на который пришлось более 40% всего проанализированного массива публикаций (около 200 названий). Про-фессиональное сообщество, первоначально состоявшее почти исключительно из ис-следователей московских академических структур, постепенно расширялось, включая специалистов из Санкт-Петербурга и самих постсоветских стран. С конца 2000-х гг. су-щественно вырастает активность ученых из российских регионов. В содержательном разрезе происходила постепенная тематическая детализация исследований, смещение к более частным ракурсам и узким группам анализируемого русского населения. В тер-риториальном плане интерес этносоциологов распределялся крайне неравномерно – ¼ всех публикаций было посвящено русским четырех стран (Казахстана, Эстонии, Лат-вии, Украины). При этом русские общины Южного Кавказа, Таджикистана, Туркмении практически выпали из исследовательского фокуса, притом что их адаптация к новым условиям функционирования была весьма сложной.

Ключевые слова: ближнее зарубежье • русское население • тематика и география исследований • публикационная активность • профессиональное сообщество

DOI: 10.31857/S0132162524070119

Русское население ближнего зарубежья (далее – БЗ) попадает в исследовательский фокус российских исследователей практически с момента распада Советского Союза. Что закономерно – появление огромной (более 25 млн чел.) демографической группы «зару-бежных» русских сделало русский вопрос одним из центральных в актуальной повестке отечественной социологии. Тем более что уже с середины 1980-х гг., по мере роста кризис-ных явлений в сфере межнациональных взаимодействий СССР, возрастал интерес специа-листов к русскому населению союзных республик. И ряд этносоциологических разработок первых постсоветских лет фактически продолжил исследования предыдущего периода¹.

Формы публикационной активности исследований русского населения БЗ, ее основные «площадки» в научной периодике. Об интенсивности исследовательского интереса свидетельствует само количество крупных авторских и коллективных работ,

Исследование выполнено за счет гранта РНФ, проект № 24-28-00974.

¹ Показательна в этом отношении первая постсоветская коллективная монография о русских, вышедшая в 1992 г., но обобщающая результаты исследований, выполненных в последние годы функционирования СССР [Русские..., 1992].

фиксирующих трансформацию этнополитического и правового статуса русских в новых государствах; позиции в социально-экономической и социокультурной сферах; масштабы оттока и миграционные настроения, динамику гражданской и национальной идентичностей. В первую постсоветскую пятилетку (1992–1996) выходит более 15 монографий и сборников статей, посвященных данной проблематике [Савоскул, 2001: 32].

Значимой публикационной площадкой для исследователей русских БЗ становится в 1990-е гг. и научная периодика. Для выяснения общего вклада и уровня включенности в данную проблематику отдельных изданий нами были проанализированы публикации 1990–2020-х гг. группы высокорейтинговых российских социологических журналов, в которую помимо «Социологических исследований» (далее – СоЦис) вошли «Мир России. Социология. Этнология», «Социологический журнал», «Социологическое обозрение» (далее – СО), «Журнал социологии и социальной антропологии» (далее – ЖССА), «Журнал исследований социальной политики» (далее – ЖИСП), «Народонаселение». В данную группу были также включены «Этнографическое обозрение» (далее – ЭО) и «Дiasпоры» – журналы, активно публиковавшие статьи социоэтнологической направленности.

Было также учтено некоторое число статей, вышедших в других российских периодических изданиях. Критерием отбора являлось присутствие публикации в списке литературы хотя бы одной из отобранных статей восьми указанных журналов. В общей сложности было зафиксировано 195 статей, вышедших в 1992–2023 гг., из которых 162 были непосредственно посвящены анализу различных аспектов жизнедеятельности русского населения БЗ, еще в 33 публикациях проблематика русских являлась одним из значимых элементов содержания. К указанным журналам относились 148 статей, 47 публикаций вышли в других изданиях (табл. 1).

Анализ уровня включенности в данную тематику отдельных изданий обнаружил безусловную доминанту СоЦиса, в котором вышло 79 статей (в т.ч. 61 акцентированная на русской тематике) – более 40% всех учтенных публикаций. Для других социологических

Таблица 1

Проблематика русских БЗ в российской научной периодике, 1992–2023 гг.
(число публикаций)

Журналы	1992–2000	2001–2005	2006–2010	2011–2015	2016–2020	2021–2023	Итого (1992–2023)
«Социологические исследования»	16* (15/1)**	15 (14/1)	23 (16/7)	10 (5/5)	11 (7/4)	4 (4/–)	79 (61/18)
«Этнографическое обозрение»	4 (4/–)	1 (–/1)	12 (12/–)	2 (1/1)	6 (4/2)	3 (2/1)	28 (23/5)
«Дiasпоры»	5 (3/2)	5 (5/–)	10 (10/–)	–	–	–	20 (18/2)
«Мир России. Социология. Этнология»	3 (2/1)	2 (2/–)	1 (1/–)	2 (2/–)	–	1 (–/1)	9 (9/2)
«Народонаселение»	–	1 (1/–)	1 (–/1)	1 (1/–)	1 (1/–)	1 (1/–)	5 (4/1)
«Журнал социологии и социальной антропологии»	1 (1/–)	1 (1/–)	1 (1/–)	–	–	–	3 (3/–)
«Социологический журнал»	3 (1/2)	1 (–/1)	–	–	–	–	4 (1/3)
Другие журналы	10 (9/1)	5 (5/–)	11 (10/1)	14 (14/–)	7 (7/–)	–	47 (45/2)
Всего	42(35/7)	31 (28/3)	59 (50/9)	29 (23/6)	25 (19/6)	9 (7/2)	195 (162/33)

Примечания. *Общее число статей. **В числителе число статей, непосредственно сосредоточенных на проблематике русских БЗ, в знаменателе – публикации, в которых «русская тема» являлась одним из важных элементов содержания.

журналов такие статьи были скорее исключением (3–9 публикаций), а в СО и ЖИСП они просто отсутствовали.

Многочисленный перевес СоцИса требует хотя бы краткой разъяснительной ремарки. Как представляется, дело не в повышенном внимании редакции журнала к проблематике русских БЗ. При всей важности данная тема представляла только отдельный кейс в рамках этносоциологии, которая, в свою очередь, являлась одним из множества тематических разделов журнала, охватывающих основные области современного социологического знания². Но следуют принять во внимание общие масштабы контента, публикуемого в анализируемых журналах. СоцИс единственный из них представляет ежемесячное издание (за вычетом критики, рецензий и информации о научных мероприятиях 12–15 статей в номере, 215 за год). Остальные социологические журналы ежеквартальные (7–10 статей в номере или 30–40 за год). При всем желании они не могли конкурировать с СоцИсом, если не по фронтальности интереса к социальной действительности, то по способности детально представлять результаты исследовательского поиска по каждому из крупных «рукавов» современного социологического знания³.

И основными «соперниками» СоцИса в анализируемой тематической области были ЭО и «Дiasпоры» (соответственно 28 и 20 статей). Отметим, однако, существенно иную публикационную стратегию, реализуемую в этих двух изданиях (прежде всего в ЭО). Если устойчивый интерес СоцИса к тематике русских БЗ выражался в достаточно равномерной издательской активности (2–3 статьи в год на протяжении всего постсоветского периода), то ЭО и «Дiasпоры» предпочитали публиковать такие статьи в рамках тематически специализированных номеров, в остальное время почти «забывая» о данной теме⁴. Иными словами, СоцИс на протяжении 1990–2020-х гг. уделял внимание проблемному комплексу русских БЗ фактически в режиме мониторинга. Тогда как ЭО и «Дiasпоры» осуществляли своего рода спорадические экспертные «замеры» этой тематики.

Таблица 2

Содержательное разнообразие публикаций
(число крупных тематических разделов)*

Журналы	1992–2000	2001–2005	2006–2010	2011–2015	2016–2020	2021–2023	1992–2023
«Социологические исследования»	6	7	6	3	5	3	8
«Этнографическое обозрение»	2	1	4	1	3	3	7
«Дiasпоры»	2	4	4	–	–	–	6
«Мир России»	1	2	1	–	–	–	3

Примечание. *В целом было выделено 8 разделов. Подробнее о содержательной группировке в следующем параграфе.

² Справедливости ради оговорим, что публикации, посвященные русским БЗ, появлялись и в ряде других разделов СоцИса (в т.ч. в рубриках «Демография. Миграция», «Политическая социология», «Экономическая социология», «Историческая социология», «Социология семьи» и даже в «Социология права. Девиантное поведение»).

³ Иными словами, анализ активности ведущих российских социологических журналов в освещении любых других тематических блоков социологии с большой вероятностью обнаружит сходное количественное соотношение контента. Укажем только, что по нашим расчетам за 1992–2023 гг. в СоцИсе было опубликовано более 6,5 тыс. статей, в «Мире России...» около 900, в «Социологическом журнале» – 920, в «Социологическом обозрении» – за 2001–2023 гг. около 1050.

⁴ Из 28 статей, посвященных теме русских в БЗ ЭО и вышедших за весь постсоветский период 17 разместились в двух номерах (№ 2, 2008 г., № 5, 2017 г.). В журнале «Дiasпоры» 13 из 18 таких статей пришлось на пять номеров.

В целом данные публикационные стратегии дополняли друг друга, способствуя лучшему осмыслению процессов, происходящих с русским населением постсоветского пространства. Однако нельзя не отметить, что подход, реализуемый СоцИсом, создавал более детальную и стереоскопическую социологическую картину жизнедеятельности русского населения БЗ. Об этом, в частности, свидетельствует сохранявшееся на протяжении всего постсоветского периода тематическое разнообразие его публикаций, существенно превосходящее аналогичный показатель у ЭО и «Дiasпоры»⁵ (табл. 2).

Количественная динамика и тематическая специализация публикаций, посвященных русским БЗ. Первая половина 1990-х гг., повторимся, была отмечена выходом значительного числа монографий и сборников статей, исследующих проблематику русского населения БЗ. Сохраняется эта тенденция и в последующие годы. В 1996–2001 гг. появляется более 10 крупных работ, из которых можно выделить монографию С.С. Савоскула, обобщающее исследование этнополитического, социально-экономического, социокультурного положения русских во всех государствах БЗ; их взаимоотношения с титульными нациями, позиций во властных структурах и статусных профессиональных сообществах, миграционных настроений [Савоскул, 2001].

Но рубеж веков становится своего рода временной чертой, завершающей период повышенного интереса отечественного научного и экспертного сообщества к русской проблематике БЗ. Снижению исследовательской активности способствовало завершение процесса стремительной геодемографической динамики русских общин. Период масштабного миграционного оттока русских в Россию во всех странах БЗ заканчивается к 1995–1997 гг. К концу 1990-х гг. стабилизируются системные позиции русского населения каждой из постсоветских стран, приобретает известную устойчивость его новый статус, положение в общественно-политической, экономической и социокультурной сферах.

Существенным было и то, что ни в одной из постсоветских стран русские не продемонстрировали значительных способностей к самоорганизации для эффективной защиты своих политических, социально-экономических, культурно-языковых интересов и прав. А наиболее россиецентричная часть, максимально подходившая на роль ядра в этноконсолидационном процессе, предпочла такой организационной деятельности выезд в Россию. Данное обстоятельство не только сократило комплексный потенциал русских общин, но и позволило существенно снизить потенциальную конфликтогенность русского вопроса на всем постсоветском пространстве. Стало очевидно, что латентная протестность русского населения, несмотря на его все еще значительный демографический вес, не способна стать основой для масштабных сепарационных движений.

В публикационной сфере определенное снижение исследовательского интереса к русским на постсоветском пространстве находит выражение в резком сокращении числа крупноформатных работ. Если в 1990-е гг. их количество в целом было сопоставимо с потоком журнальных публикаций (около 30 и 40 соответственно), то в 2000-е гг. монографии и сборники статей уже «штучный продукт» и основной публикационной площадкой для исследователей русских БЗ становится научная периодика (90 статей).

Не изменяется это положение и в дальнейшем. Хотя растущая временная протяженность постсоветского периода стимулировала потребность к обобщению уже аккумулированного разнообразного материала. На рубеже – в начале 2010-х гг. появляется ряд крупных работ, подводящих итоги 20-летнего развития русского населения на всем постсоветском пространстве и в отдельных его странах/субрегионах. Отметим коллективное исследование: «Русские: этносоциологические очерки» [Русские..., 2012] и фундаментальную монографию А.Л. Арефьева, посвященную статусным позициям и широте распространения за пределами России (в т.ч. в каждой из стран БЗ) русского языка;

⁵ О тематическом разнообразии публикаций СоцИса на тему «русских» в БЗ свидетельствует даже тот факт, что в нем вышло 9 из 11 статей, вследствие своей содержательной специфики, не нашедших места в 8 разделах выполненной группировки и помещенных в «Другие темы».

учебно-образовательной, социокультурной и информационной инфраструктуры русского мира [Арефьев, 2012].

Из обобщающих работ, посвященных русским общинам отдельных постсоветских стран, выделим исследование этносоциологической динамики русских Молдовы [Остапенко и др., 2012] и ряд коллективных сборников, исследующих положение этнических меньшинств Балтии (большая часть материалов этих изданий посвящена русским макро-региона) [Этническая политика..., 2009; Проблема прав..., 2009].

Появляются отдельные крупные исследования и в последующие годы. Что, однако, не отменяло сохранения самой значимой (если не центральной) роли научных журналов в изучении проблематики русского населения постсоветского пространства (более 60 публикаций в 2010-е – начале 2020-х гг.).

Для изучения содержательной структуры и тематической динамики данной периодики нами было выделено восемь крупных блоков изучения проблемного комплекса русских БЗ. Заметим, что детальная содержательная группировка публикаций представляет большую сложность. Более или менее отчетливо в отдельную группу выделяются статьи, связанные с анализом демографических и/или миграционных процессов. Большинство других публикаций содержательно захватывает несколько аспектов жизнедеятельности русских БЗ. Приходится выделять центральное ядро статьи, позволяющие отнести ее к определенной тематической «делянке». Но такая операция неотделима от предпочтений ее совершающего и неизбежно несет элемент авторского субъективизма.

Тем не менее выполненная группировка позволила зафиксировать общую тематическую структуру журнальных публикаций и происходившее во времени смещение исследовательского интереса по отдельным граням проблемного комплекса русских БЗ (табл. 3).

В 1990-е гг. в периодике отчетливо доминировали два тематических блока. Больше трети статей (35,7%) было сосредоточено на комплексном анализе процессов, протекавших в русских общинах всего постсоветского пространства, теоретическом осмыслении текущего состояния и дальнейших перспектив этого населения. Таким образом, изучение общих аспектов жизнедеятельности всего русского БЗ доминировало над исследованиями социальной конкретики, особенностей характерных для русских в отдельных

Таблица 3

Предметное поле российской научной периодики По проблемам русского населения БЗ, 1990–2020-е гг.

Тематические разделы	1992–2000	2001–2005	2006–2010	2011–2015	2016–2020	2021–2023	1992–2023
Демография, миграция, система расселения	15	8	6	5	10	2	46
Социально-экономические и социопрофессиональные аспекты, «русский бизнес»	2	3	2	–	–	–	7
Социально-политические, этнополитические проблемы	4	–	7	4	3	–	18
Социокультурная, культурно-языковая, конфессиональная проблематика	–	3	7	2	1	1	14
Идентификационная и этноментальная динамика	3	3	10	2	1	2	21
Этносоциокультурные взаимодействия, межнациональные конфликты	2	7	5	4	1	–	19
Межнациональная брачность, ассимиляционная динамика	1	–	–	1	2	2	6
Комплексные, теоретико-концептуальные исследования	15	6	18	7	5	2	53
Другие темы	–	1	4	4	2	–	11

постсоветских странах. Оговорим, что такие «частные» исследования начали появляться уже в первой половине 1990-х гг. [Савин, 1996; Тишков, 1993]. Но до конца десятилетия они оставались единичными в потоке научной периодики.

Еще треть журнальных публикаций в 1990-е гг. анализировала демографо-миграционные процессы, содержащих в данный период много сходных черт у русского населения всего БЗ (масштабный отток в Россию, резкое ухудшение воспроизводственных показателей, трансформация идентичности у части смешанного населения). Как результат, все 15 статей, зафиксированных в этом разделе, изучали ситуацию в формате всего постсоветского пространства.

Значимой вехой в содержательной динамике научной периодики оказывается рубеж веков. Начало XXI в. проходит под знаком перехода исследователей русского БЗ от «общего к конкретному», как в пространственной фокусировке, так и в содержательном аспекте. Только в четырех статьях из 31 публикации 2001–2005 гг. (12,9%) анализируется русское население БЗ «в целом» (в 1990-е гг. этот показатель составлял 69%).

Почти вдвое (с 35,6 до 19,4%) сокращается доля комплексных/теоретических статей. Параллельно снижается интерес к демографо-миграционной тематике. Но происходит это поступательно (удельный вес таких публикаций сокращается с 25,8% в 2001–2005 гг. до 10,2% в 2006–2010-е гг.). В первой половине 2000-х гг. определенная активность на данном направлении поддерживается изучением первых постсоветских переписей населения прошедших в странах БЗ в 1999–2004 гг., сравнением их результатов с предыдущими расчетными оценками, с данными текущего демографического учета и миграционных служб постсоветских государств. Что, в частности, позволяет уточнить размеры миграционного оттока русских из ряда стран БЗ (Латвии, Казахстана и др.), а также констатировать значительные ассимиляционные потери некоторых русских общин (прежде всего на Украине, «потерявшей» между переписями 1989 и 2001 гг. около трех миллионов своего русского населения) [Митрофанова, 2017].

В целом же, внимание исследователей все больше фокусируется на широкой этносоциокультурной проблематике русских, включающей культурно-языковые, социоментальные, этноидентификационные, коммуникационные аспекты. Группируя публикации, мы разнесли этот проблемный комплекс на три тематических раздела. В действительности отнесение к одному из них для значительного числа статей было достаточно условным, поскольку содержательно они включали аспекты всех трех. В известной мере эти разделы можно рассматривать в качестве одного большого направления, которое с начала XXI в. становится центральным в изучении русского населения БЗ. По крайней мере, по показателю публикационной активности. Как в первой, так и во второй половине 2000-х гг. на него приходится около 40% всех журнальных статей (см. табл. 3).

Но вторая половина «нулевых» и время пиковой активности научной периодики, посвященной русским БЗ (около 60 статей). Что отчасти было связано с обсуждением социологами итогов 15–20-летнего пути, пройденного русскими БЗ по комплексной адаптации к новым условиям жизнедеятельности, фиксацией сложившейся колеи и векторов, по которым должно пойти дальнейшее развитие русских общин⁶.

Несмотря на то что основная часть русского населения БЗ к концу 2000-х гг. фактически смирилась с потерей былых статусных позиций и была ориентирована на дальнейшую адаптацию, большинство авторов (в т.ч. специалисты из стран СНГ, Балтии и дальнего зарубежья), скорее обнаружило транзитную ситуацию и/или новую точку неопределенности, чреватую сменой уже сложившихся векторов интеграционной динамики русского населения целого ряда стран БЗ (в т.ч. Украины, Казахстана и Средней Азии) [Алексеев, 2008; Мальгин, 2008; Мукомель, 2008].

⁶ Что снова повысило долю теоретико-комплексных статей в общем потоке журнальных публикаций – в 2006–2010 гг. она превысила 30%.

И в целом, исследования обнаруживали самую широкую вариативность жизненных стратегии русских в разных странах/макрорегионах БЗ, с которой напрямую коррелировали масштабы и направления их этнопсихологической, социоментальной, социокультурной динамики; подвижки в соотношении этнонациональной, гражданской (политической), локальной идентичностей [Апине, 2006; Савин, 2010; Савоскул, 2008]. Эта вариативность практически исключала возможность определения «общесистемного» вектора трансформации всего русского населения БЗ. А разнообразие ситуаций, фиксируемых в отдельных территориальных группах и сферах жизнедеятельности русских общин, нуждалась в постоянном мониторинге.

Пиковая интенсивность обсуждения проблемного комплекса русских БЗ в конце 2000-х гг. стала одной из причин определенного спада исследовательского интереса к этой тематике в последующие годы. Число посвященных ей публикаций в 2010-е – начале 2020-х гг. заметно сокращается⁷. Однако тенденции, характерные для предыдущего периода, в т.ч. фокусировка на «частных» ракурсах и социальной конкретике русского населения отдельных стран/макрорегионов БЗ, сохранялись в полной мере. Исследовались этноментальные и социопсихологические особенности разных территориальных и социодемографических групп русских, их социальное самочувствие, специфика межэтнической коммуникации с титульными народами и русскоязычными диаспорами, социально-политические и культурно-языковые проблемы.

Проведение в 2009–2014 гг. в большинстве стран БЗ вторых переписей населения вновь активизирует геодемографическое направление научного поиска (более четверти статей, вышедших в 2010-е гг.). Результаты переписей и данные текущего учета позволяют исследователям сделать вывод о значимой (в ряде стран БЗ, центральной) роли ассимиляционного фактора в демографических потерях русского населения. Данное обстоятельство, в свою очередь, активизирует изучение комплекса воспроизводственных процессов. Исследуется динамика межнациональной брачности русских, национальная структура их основных брачных партнеров; варианты самоидентификации смешанного потомства и удельный вес биэтнофоров в составе русского населения [Митрофанова, 2017; Суций, 2020].

Наиболее активно в этом направлении изучались русские общины стран Балтии, Молдовы, Казахстана. Очень высокие уровни межнациональной брачности фиксировались у русского населения Литвы и Молдовы, в несколько меньшей степени – Латвии [Апине, 2006; Мазур, 2012; Остапенко, 2012]. Заметное усложнение идентификационного комплекса у русских Балтии, в различных соотношениях сочетавших этническую русскую, региональную балтийскую и европейскую социокультурную компоненты, позволило отдельным исследователям еще в 2000-е гг. предположить формирование в этом постсоветском макрорегионе нового субэтнуса – «еврорусских»⁸ [Симонян, 2004].

В целом этносоциологами было обнаружено несколько сценариев социокультурной, языковой и воспроизводственно-ассимиляционной динамики русских БЗ. В одном варианте значительная часть русского населения ориентировалась на комплексную интеграцию в основные сферы жизнедеятельности своих стран, быстро осваивала государственный язык, демонстрировала активную брачность с представителями титульного народа и массовый отказ смешанного потомством таких семей от русской идентичности (Молдова, Литва) [Мазур, 2012; Остапенко, 2012]. Но ориентация на социально-экономическую интеграцию, высокий уровень владения «титульным» языком молодыми поколениями русских могли и не сопровождаться активной аккультурацией и стремлением к ускоренной

⁷ Причем нисходящая динамика фиксировалась и внутри самого этого периода – среднегодовое число статей сократилось с 5–6 в первой половине 2010-х гг. до 2–3 в начале 2020-х гг.

⁸ Заметим, что это предположение не было поддержано научным сообществом, включая исследователей из самих стран Балтии, детально анализировавших структуру идентичностей местного русского населения (в т.ч. разных возрастных поколений, социопрофессиональных групп, территориального генезиса) [Апине, 2006; Матулионис, Фреюте-Ракаускене, 2014].

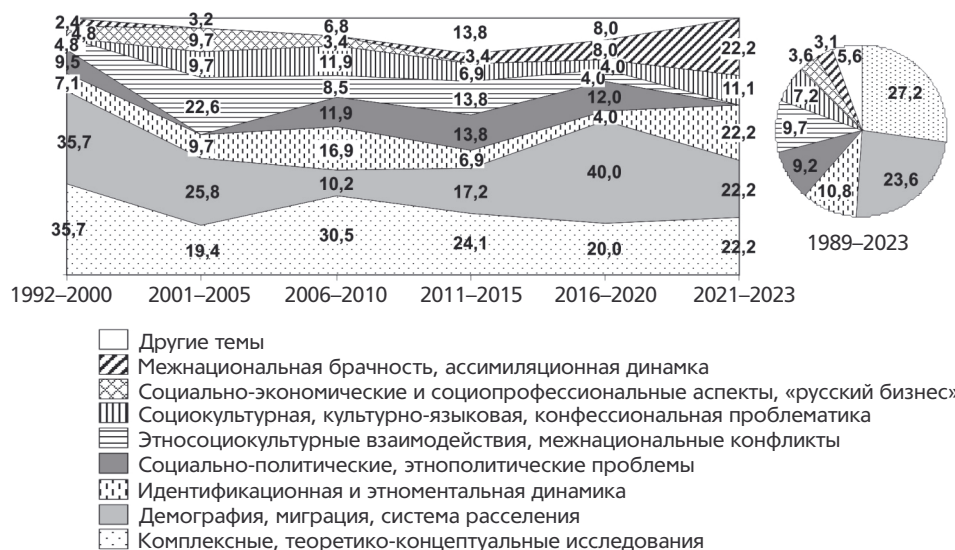

Рис. Динамика тематической структуры журнальных публикаций, посвященных проблемам русских БЗ, 1990–2020-е гг. (%)

ассимиляции (сценарий русских общин Латвии, Эстонии, отчасти Беларуси и Украины) [Волков, 2012; Волков, Полещук 2019].

В двух южных макрорегионах БЗ (Южный Кавказ и Центральная Азия) русские демонстрировали достаточно высокую устойчивость по отношению к социоэтноментальному и культурно-языковому давлению внешней этнокультурной среды [Савин, 2010; Суций, 2022; Цыряпкина, 2015]. При этом масштабная миграционная убыль 1990–2000-х гг. обусловила быстрый демографический закат русских общин в ряде стран (Армения, Грузия, Таджикистан, Туркмения, отчасти Азербайджан). А в странах, сохранивших значительную численность русского населения, оно, не замыкаясь в себе, к началу XXI в. оформилось в качестве самостоятельного полюса этнокультурного притяжения, ассимилирующего русскоязычные меньшинства своих стран (Казахстан, Киргизия, Узбекистан) [Суций, 2022].

На всем протяжении постсоветского периода в центральной зоне этого интереса присутствуют теоретический дискурс, обсуждение общих адаптационных стратегий и возможных перспектив развития, а также особенности геодемографической и миграционной динамики (в общей сложности более половины изученного массива публикаций) (рис.).

Не выпадала из поля зрения специалистов и тематика, связанная с этносоциокультурной, культурно-языковой, идентификационной, этнопсихологической динамикой русского населения (18%). В последние 5–10 лет заметно вырос интерес к проблемам межнациональной брачности русских. Однако почти все эти публикации относятся к русской общине Казахстана, хотя актуальность темы в настоящее время высока для большинства стран БЗ.

Нельзя не отметить явный дефицит работ, детально исследующих социофессиональные ниши и экономические специализации русского населения, его позиции в элитных и массовых профессиональных сообществах своих стран. Такие публикации оставались единичными в 1990–2000-е гг., а в дальнейшем практически исчезли из научной периодики (см. табл. 3). Что отчасти могло объясняться практической сложностью

развернутого анализа этой темы, отсутствием статистики о национальной структуре работников основных сфер социально-экономической деятельности стран БЗ⁹.

Географические аспекты исследовательского интереса (по массиву журнальных публикаций). Анализ географии специалистов занятых проблематикой русских БЗ обнаруживает ее существенную трансформацию во времени. Центральным трендом, очевидно, можно считать постепенное расширение¹⁰. Если в первое постсоветское десятилетие профессиональное сообщество – это почти исключительно специалисты из московских научных структур (прежде всего академических: ИЭА РАН, отчасти из Института социологии РАН и др.), то с рубежа XXI в. к исследованиям русских БЗ все более активно подключаются ученые из Санкт-Петербурга и самих постсоветских стран, в первую очередь из Латвии, Эстонии, Казахстана.

Причем не только представлявшие русское/русскоязычное население данных стран, но и титульные национальные сообщества¹¹. Появляются работы, выполненные специалистами из научных и вузовских центров Украины (в т.ч. Днепропетровска, Мелитополя, Одессы, Симферополя). А в самой России с конца 2000-х гг. происходит все более отчетливое смещение исследовательской активности из столиц в регионы, фиксируемое по территориальной локации публикующихся ученых, представляющих множество российских центров (в т.ч. Барнаул, Калининград, Краснодар, Псков, Ростов-на-Дону).

Но куда большее значение имеет география самих исследований. Обнаруживается крайне неравномерное распределение внимания специалистов к проблематике русских различных стран и макрорегионов постсоветского пространства. Среди очевидных лидеров были страны Балтии (прежде всего Эстония и Латвия), а также Казахстан и Украина. Из 117 публикаций, посвященных русским общинам отдельных стран БЗ, 88 (75,2%) анализировали проблематику русского населения в четырех перечисленных (табл. 4). Отметим и устойчивость этой группы (за исключением Украины), привлекавшей максимальное внимание исследователей на протяжении всего постсоветского периода.

При этом в 1990–2020-е гг. не появилось статей о русских Туркмении, Таджикистана, Azerbaijan. Единичные публикации были посвящены русским общинам Беларуси, Грузии, Армении, Абхазии. Отчасти явный дефицит внимания к ним компенсировался «макро-региональными» статьями, анализировавшими положение русских в масштабе всей Средней Азии или Южного Кавказа. Но если первому макрорегиону было посвящено девять публикаций, то второму только две. В целом же и на уровне макрорегионов безусловное лидерство принадлежало русскому населению Балтии (18 статей)¹².

Причины столь значительного разбега исследовательского интереса к отдельным странам и макрорегионам БЗ множественны. Но фиксируется прямая корреляция между уровнем включенности проблемных аспектов жизнедеятельности русских общинам отдельных стран в российскую научную периодику и наличием в этих странах

⁹ Но в отдельных случаях не используются и реально существующие возможности. Например, размещенная на сайте Статистического управления Эстонии информация позволяет выполнить диахронное исследование позиций русских в экономике этой страны, сравнить уровень их зарплат, безработицы, других важных социально-экономических характеристик с показателями титульного сообщества.

¹⁰ В данном случае мы рассматриваем только русскоязычную его часть, оставляя в стороне исследователей из научных центров дальнего Зарубежья. Для последних была характерна обратная тенденция. После пикового всплеска в 1990-е гг., интерес к русским БЗ резко сократился, как и число специалистов, занятых данной проблематикой [Савоскул, 2008].

¹¹ Отметим, что мы анализируем только российскую научную периодику. Но как свидетельствуют списки источников в статьях «титульных» этносоциологов стран БЗ, публиковавшихся в российских журналах, тематика, связанная с русскими общинами, активно обсуждалась научными сообществами данных стран (см., напр.: [Матулионис, Фрейте-Ракаушене, 2014]).

¹² Отметим также крайне редкое обращение исследователей к сравнению русского населения из разных постсоветских макрорегионов или отдельных стран к ним относящимся. Причем все эти единичные публикации включали Казахстан и страны Балтии (чаще остальных Эстонию).

Таблица 4

**Число статей, посвященных русскому населению различных стран/макрорегионов БЗ,
1992–2023 гг.**

Страны и макрорегионы	1992–2000	2001–2005	2006–2010	2011–2015	2016–2020	2021–2023	1992–2023
<i>Страны БЗ</i>							
Латвия	1	3	4	3	4	1	16
Литва	–	1	3	2	1	–	7
Эстония	2	6	11	2	3	–	24
Молдова	–	–	1	4	–	–	5
Казахстан	3	5	7	11	4	2	32
Киргизия	1	–	3	–	–	–	4
Таджикистан	–	–	–	–	–	–	0
Туркмения	–	–	–	–	–	–	0
Узбекистан	–	2	4	2	1	–	9
Украина	–	6	6	1	2	1	16
Беларусь	–	–	1	–	–	–	1
Грузия	–	–	1	–	1	–	2
Армения	–	–	–	–	–	1	1
Азербайджан	–	–	–	–	–	–	0
Абхазия	–	–	1	–	–	1	2
<i>Макрорегионы БЗ</i>							
Прибалтика	2	4	4	2	6	–	18
Средняя (Центральная) Азия	2	–	4	2	1	–	9
Южный Кавказ	1	–	–	–	1	–	2
БЗ в целом	29	4	7	2	5	2	49

исследовательских групп или отдельных специалистов, занятых данной проблематикой. Так, лидерство по числу журнальных публикаций Эстонии и Латвии в значительной степени являлось заслугой группы местных исследователей, из которых выделим В.В. Волкова и В.В. Полещука (соответственно семь и пять статей)¹³. Из 16 публикаций, посвященных русским Украины, девять были написаны исследователями, представлявшими ее и научные и вузовские центры. Аналогичная ситуация была и с русской общиной Казахстана, активно изучаемой собственными специалистами (А.Н. Алексеенко, И.С. Савин и др.).

Коррелировала активность изучения русских общин и с размером последних, их удельным весом в структуре местного населения. Украина и Казахстан на всем протяжении постсоветского периода оставались крупнейшими средоточиями русского населения за пределами России. Показательно в этом плане и то, что относительно небольшая русская община Литвы гораздо реже становилось объектом изучения, чем русские Латвии и Эстонии (соответственно 7, 16 и 24 статьи).

Но надо учитывать, что в ряде постсоветских стран (прежде всего на Южном Кавказе и в Средней Азии), фиксируемая уже к началу XXI в. малочисленность русских, являлась результатом их стремительной убыли в 1990-е гг., т.е. свидетельством очевидной проблемности процесса адаптации к новым условиям жизнедеятельности. В теории это обстоятельство должно было повышать к ним интерес специалистов, но в реальности

¹³ Речь только об их публикациях в анализируемом массиве журнальной периодики, помимо которых у данных авторов имелось множество статей в коллективных сборниках и разделы в монографиях, посвященных русским Балтии.

эти русские общины, как было сказано, почти полностью выпали из исследовательского фокуса российской этносоциологии.

Причем в отличие от Балтии или Казахстана в странах Южного Кавказа и Средней Азии (за исключением Узбекистана) не нашлось собственных исследователей проблематики местного русского населения. Что могло указывать на практически полную утрату позиций русского (и шире – русскоязычного) меньшинства в научных сообществах данных стран.

А динамика публикаций посвященным русским Украины свидетельствует, что уровень проблемности мог находиться в обратной корреляции с исследовательским интересом (12 статей в 2000-е гг. и только три в 2010-е). Причины данного явления нуждаются в самостоятельном изучении. Но три очевидны – с середины 2010-х гг. проведение социологических исследований на Украине для российских специалистов максимально усложняется. Параллельно данная проблематика постепенно табуируется и для украинских социологов. При этом часть исследователей обеих стран сознательно отстраняется от тематики, замыкающей на себе слишком много прямых и косвенных проекций нарастающего системного конфликта двух государств и обществ.

Но можно указать и прямо противоположный пример соотношения интереса и проблемности. Русская община Беларуси оказалась явно недоисследованной, как раз по причине своей внешней «беспроблемности»¹⁴. Действительно, Беларусь была единственной страной БЗ, в которой этноцентричные практики не использовались властью в процессе нациестроительства (по крайней мере, с начала президентства А.Г. Лукашенко в 1995 г.) [Савоскул, 2001].

Однако минимальная конфликтность русско-белорусского этнополитического и социокультурного взаимодействия не снимала проблемы устойчивого демографического воспроизводства русской общины страны. В 2000-е гг. темпы ее убыли были одними из самых высоких на постсоветском пространстве (–31,3%). В целом за 1989–2019 гг. численность русских в Беларуси сократилась почти вдвое (с 1,34 млн до 0,71 млн чел.). Изучение причин этого явления представляет интерес для понимания внутренних этнодемографических алгоритмов, определявших динамику русского населения даже в максимально комфортном для него иноэтническом окружении за пределами Российского государства.

Итак, значительный массив публикаций (несколько десятков монографий и сотни статей) свидетельствует о постоянном и значительном интересе исследователей к проблематике русского населения БЗ. Но территориальное распределение данного интереса на всем протяжении постсоветского периода оставалось крайне неравномерным и почти половина русских общин БЗ до сих пор минимально/слабо изучена российской этносоциологией.

Методы исследования. Как уже отмечалось, разработки начала 1990-х гг. в известной мере являлись продолжением исследований советского времени. Своей инерцией обладали и применяемые методы, в числе которых некоторое время сохранялись массовые опросы русского населения. К примеру, в 1992–1996 гг. группой С.С. Савоскула были проведены опросы в пяти странах БЗ (в Молдавии, Литве, Эстонии, Киргизии, на Украине – в общей сложности было опрошено около 5,3 тыс. человек) [Савоскул, 2001: 21]. Масштабные опросы в это время проводили и другие исследовательские группы (в т.ч. под руководством Ю.В. Арутюняна в Грузии, Н.М. Лебедевой в Азербайджане и Армении) [Грузия..., 1997; Лебедева, 1995].

Постсоветские переписи населения, которые начали проводиться в странах БЗ с конца 1990-х гг. (к настоящему времени в большинстве стран их состоялось уже по 2–3) дали достаточно детальную статистику по численности русского населения, его территориальному размещению и формам расселения. В отдельных случаях в результатах переписей присутствовала информация и о половозрастной структуре русских (в т.ч. в региональном разрезе). Ряд национальных комитетов статистики стран БЗ (в частности, Казахстана

¹⁴ Показательно, что для нее единственной не было сделано своего раздела в обстоятельной монографии С.С. Савоскула, посвященной русским всего БЗ [Савоскул, 2001].

и Киргизии) публиковал данные о показателях естественного воспроизводства русского населения. Эта обширная информационная база позволила в 2000–2010-е гг. исследователям включить в свою работу методы и подходы, принятые в демографии и социальной географии [Митрофанова, 2017; Суций, 2020].

Параллельно трансформировались структура и масштабы эмпирических исследований, проводимых российскими социологами. Финансово и трудозатратное анкетирование значительных групп русских БЗ (выборки размером в 600–1500 респондентов, как правило, представляющих разные региональные сообщества, городское и сельское население) постепенно сменяется значительно более камерной практикой экспертных опросов и интервьюирования отдельных целевых групп (этноактивистов, студенческой молодежи, представителей бизнеса). Более акцентированной на определенных аспектах социальной жизнедеятельности русских БЗ становится и тематика таких исследований¹⁵ [Матулионис, 2014; Цыряпкина, 2015].

Но существенно сократившись, не исчезает и практика «больших» опросов. Распространенной ее формой становится анкетирование студенческой молодежи в рамках совместных разработок российских специалистов с исследователями из вузов стран БЗ [Симомян, 2023]. Однако значительное число опросов русского (русскоязычного) населения в 2000–2010-е гг. проводилось уже самостоятельно специалистами постсоветских стран, прежде всего Балтии [Волков, 2012; Волков, Полещук, 2019].

Перспективы исследовательского поиска. Как свидетельствует динамика потока журнальных публикаций, интерес к русским БЗ в отечественной социологии начал сокращаться с конца 2000-х гг. (с 10–12 статей в год в 2006–2010-е гг. до 5–6 в 2010-е и 3–4 в 2020-е гг.). А крупноформатные исследования (монографии, сборники статей) становятся редким явлением с начала XXI века. Но, как представляется, существуют известные предпосылки для возвращения внимания специалистов к данной проблематике.

В 2019–2022 гг. в половине постсоветских стран были проведены очередные переписи населения, еще не ставшие предметом детального анализа. Даже поверхностное знакомство с их результатами обнаруживает тренды, которые нуждаются в более глубоком изучении. В частности, количественная динамика русских Латвии, Казахстана, Киргизии в 2010-е гг. указывает на утрату русскими общинами способности ассимилировать представителей русскоязычных диаспор. Более того, сравнительный количественный анализ русского населения и русскоязычных общин в этих странах, а также в Беларуси и Эстонии свидетельствует, что в последний межпереписной период часть смешанного населения, ранее самоопределявшегося в качестве русского стало выбирать другие компоненты своей этнической принадлежности.

Повторим, речь идет о периоде до начала СВО. Между тем с начала 2022 г. задача комплексного изучения особенностей демографического воспроизводства русского населения БЗ, его статусных позиций и этносоциокультурной динамики заметно актуализируется. Резкое обострение геостратегического противостояния России и коллективного Запада серьезно проблематизировало жизнедеятельность русских общин в ряде постсоветских стран, потребовало расширения адаптивных практик в условиях возросшего этнополитического прессинга, общественной россиебоязни и русофобии. Масштабы и характер этих практик заметно варьируют между странами, предполагая изучение и сравнительный анализ.

Самостоятельным кейсом, демонстрирующим максимальную актуальность, является комплексное изучение основных аспектов жизнедеятельности русских на Украине, вплоть до начала 2020-х гг. являвшихся крупнейшей территориальной группой русского народа за пределами Российской Федерации [Митрофанова, 2017]. Очевидно, что

¹⁵ Заметим, что они включались в инструментальную практику этносоциологов, изучающих русских БЗ уже в 1990-е гг., но только в XXI в. становятся распространенной формой прикладных исследований.

в существующих обстоятельствах речь не идет о составлении точной детальной картины происходящих процессов, но об аналитическом «прощупывании» масштабов и устойчивости фиксируемых трендов.

Существенно трансформировалось с начала 2022 г. миграционное движение русских между Россией и рядом других постсоветских стран. По экспертным оценкам, в течение 2022 г. в пределы БЗ переехало (чистый отток) порядка 0,5–1,0 млн граждан России [Zavadskaya, 2023], самую значительную часть которых составляли русские. Появление в постсоветском пространстве новой достаточно многочисленной группы русского населения актуализирует ряд социодемографических вопросов, в т.ч. предполагает анализ количественной и половозрастной структуры этой группы, особенностей ее пространственного распределения по странам и субрегионам БЗ; форм и интенсивности ее взаимодействия с титульными сообществами и русским старожильческим населением; оценку краткосрочных и более отдаленных демографических перспектив.

Особенно значимую роль такие исследования имеют для Грузии и Армении, в которых группа русских релокантов в 2022–2023 г. кратно превосходит размеры местных русских общин (в Грузии соответственно 45–50 тыс. и 18–20 тыс. чел, в Армении – 30–35 тыс. и 15 тыс.)¹⁶. При определенных обстоятельствах эта миграционная волна в состоянии существенно увеличить демографический потенциал русских общин, серьезно (если не кардинально) трансформировать их социодемографические характеристики.

Максимальное число релокантов оказалось в Казахстане (около 150 тыс. чел.). В силу значительной численности местного русского населения, потенциальное влияние на него этой миграционной волны может быть ограниченным. Но для отдельных территориальных групп казахстанских русских релоканты могут оказаться значимым фактором дальнейшей динамики, а значит, и объектом социологического исследования.

В целом за три постсоветских десятилетия численность русских БЗ сократилась в 2,2–2,5 раза (с 25,3 млн до 10,3–11,6 млн чел.) [Сущий, 2020: 10]. Но в пределах постсоветского пространства по-прежнему остаются многие миллионы людей, не просто говорящих и думающих на русском языке, но относящих себя к русскому народу, продолжающих оставаться его составной частью.

И вопрос о перспективах этого населения, вынесенный в название одной из публикаций, посвященных русским БЗ («Демографический ресурс, отрезанный ломоть или хранители русского мира?» [Хоперская, 2012]) будет оставаться открытым на самую долгосрочную перспективу. В реальной практике русских на постсоветском пространстве реализовывались самые разные жизнедеятельные стратегии, которые широко варьировали и прихотливо соотносились в зависимости от периода и страны БЗ (макрорегиона); результирующей множества этнополитических, социокультурных, социально-экономических переменных; гецивилизационного выбора их стран и особенностей взаимодействия с Российской Федерацией, системного состояния последней.

Но значимая роль русских БЗ в сохранении и воспроизводстве гецивилизационных контуров всего Русского мира в сочетании с высокой проблемностью этой части русского народа, на наш взгляд, является гарантией ее самого долгосрочного сохранения в фокусе отечественной этносоциологии и сопряженных с ней направлений социологического поиска.

¹⁶ Zavadskaya M. The war-induced exodus from Russia: A security problem or a convenient political bogey? // FIIA BRIEFING PAPER358. Finnish institute of international affairs. March 2023. URL: <https://www.fiia.fi/en/publication/the-war-induced-exodus-from-russia>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.Н. Русские в орбите государственной политики // Этнографическое обозрение. 2008. № 2. С. 13–15.
- Алине И.К. Изменение идентичности русских в современной Латвии. // Социологические исследования. 2006. № 10. С. 65–70.
- Арефьев А.Л. Русский язык на рубеже XX–XXI вв. М.: ЦСП, 2012.
- Волков В.В. Интеграция общества в Латвии: позиции этнических меньшинств // Социологические исследования. 2012. № 4. С. 54–63.
- Волков В.В., Поleshuk В.В. Современное состояние межэтнической коммуникации в Латвии и Эстонии // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 59–67. DOI: 10.31857/S013216250004008-1.
- Грузия: Столичные жители. Сер. «Этносоциология в цифрах». М.: ИЭА РАН, 1997.
- Лебедева Н.М. Новая русская диаспора: Социально-психологический анализ. М.: ИЭА РАН, 1995.
- Мазур Ю.Ю. Сохранение этнокультурной идентичности и проблемы образования: русские в Литве // Вестник Балтийского федерального университета. 2012. № 6. С. 31–38.
- Мальгин А.В. Русские в ближнем зарубежье: что за «адаптацией»? // Этнографическое обозрение. 2008. № 2. С. 13–15.
- Матулионис А.В., Фрейте-Ракаускас М. Идентичность русской этнической группы и ее выражение в Литве и Латвии. Сравнительный аспект // Мир России. Социология. Этнология. 2014. № 1. С. 88–114.
- Митрофанова И.В., Суций С.Я. Русские на Украине: геодемографические итоги постсоветского периода и среднесрочные перспективы // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 45–58. DOI: 10.7868/S0132162517080050.
- Мукомель В.И. Кто мы? Откуда мы? Куда идем? // Этнографическое обозрение. 2008. № 2. С. 15–18.
- Остапенко Л.В., Субботина И.А. Русские в Молдове: социально-демографические трансформации. // Социологические исследования. 2011. № 5. С. 61–71.
- Остапенко Л.В., Субботина И.А., Нестерова С.Л. Русские в Молдавии. Двадцать лет спустя... (этносоциологическое исследование). М.: ИЭА РАН, 2012.
- Проблема прав национальных меньшинств в Латвии и Эстонии. М.: Русская панорама, 2009.
- Русские: этносоциологические исследования / Отв. ред. Ю.В. Арутюнян. М.: Наука, 2011.
- Русские: Этносоциологические очерки. М.: Наука, 1992.
- Савин И.С. Русские в современном Казахстане // Социологические исследования. 2010. № 8. С. 81–88.
- Савин И.С. Этнический аспект современной социально-экономической ситуации в Казахстане // Этнографическое обозрение. 1996. № 5. С. 39–57.
- Савоскул С.С. Русские нового зарубежья: Выбор судьбы. М.: Наука, 2001.
- Савоскул С.С. Немного об изучении русских нового зарубежья // Этнографическое обозрение. 2008. № 2. С. 33–41.
- Симонян Р.Х. Новый Балтийский субэтнос – «Еврорусские» // Социология власти. 2004. № 2. С. 59–76.
- Симонян Р.Х. Специфика идентичности студентов приграничья России и Украины (на примере Белгородского и Харьковского госуниверситетов) // Социологические исследования. 2023. № 5. С. 108–116. DOI: 10.31857/S013216250025806-9.
- Суций С.Я. Русские в странах Средней Азии: геодемографические тренды постсоветского периода // Социологические исследования. 2022. № 8. С. 27–46. DOI: 10.31857/S013216250019640-7.
- Суций С.Я. Русские на Южном Кавказе: факторы динамики в постсоветский период и геодемографические перспективы // Социологические исследования. 2021. № 9. С. 26–41. DOI: 10.31857/S013216250015744-1.
- Суций С.Я. Русское население ближнего зарубежья: геодемографическая динамика постсоветского периода // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 2. С. 6–30.
- Тишков В.А. Русские как меньшинства (пример Эстонии) // Общественные науки и современность. 1993. № 6. С. 110–124.
- Хоперская Л.Л. Российские соотечественники в Центральной Азии – демографический ресурс, отрезанный лопатой или хранители русского мира? // Этнопанорама. 2012. № 3–4. С. 5–12.
- Цыряпкина Ю.Н. Русские в Узбекистане: языковые практики и самоидентификация (на примере полевых исследований в Фергане) // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. 2015. № 3. С. 18–28.
- Этническая политика в странах Балтии. ИЭА. М.: Наука, 2013.

Статья поступила: 13.05.24. Финальная версия: 14.06.24. Принята к публикации: 30.07.24.

RUSSIANS OF THE NEAR ABROAD IN THE FOCUS OF RUSSIAN SOCIOLOGY: THE EVOLUTION OF RESEARCH APPROACHES AND ANGLES (1990s – 2020s)

SUSHCHIY S. Ja.

Federal Research Centre the Southern Scientific Centre RAS, Russia

Sergey Ja. Suschiy, Dr. Sci. (Philos.), Chief Researcher, Federal Research Centre the Southern Scientific Centre RAS, Rostov-on-Don, Russia (SS7707@mail.ru).

Acknowledgements. The research was carried out at the expense of a grant from the RSF No. 24-28-00974.

Abstract. The article examines main directions of sociological research on the Russian population of the near Abroad, establishes quantitative, thematic dynamics, territorial priorities of publications devoted to this problem complex. A shift in publication activity has been revealed from large forms (author's and collective monographs, collections of articles) that dominated in the 1990s to scientific periodicals, the quantitative peak of which occurred in the second half of the 2000s. Of the leading Russian sociological publications "Sociological Studies" paid maximum attention to the problems of foreign Russians. The professional community, initially consisting of researchers from Moscow academic structures, gradually expanded to include specialists from St. Petersburg and the post-Soviet countries themselves. Since the late 2000s, the activity of researchers from Russian regions has been growing significantly. In the context of content, there was a gradual thematic detailing of research, a shift to more specific angles and narrow groups of the analyzed Russian population. Geographically, the interest of ethnosociologists was extremely unevenly distributed – three quarters of all publications were devoted to Russians from four post-Soviet countries (Kazakhstan, Estonia, Latvia, Ukraine). At the same time, the Russian communities of the South Caucasus, Tajikistan, and Turkmenistan practically fell out of the research focus, despite the fact that their adaptation to the new conditions of functioning was quite difficult.

Keywords: Near Abroad, Russian population, research topics and geography, publication activity, professional community.

REFERENCES

- Alekseenko A.N. (2008) Russians in the orbit of state policy. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. No. 2: 13–15. (In Russ.)
- Apine I.K. (2006) Changing the identity of Russians in modern Latvia. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 65–70. (In Russ.)
- Arefyev A.L. (2012) *The Russian language at the turn of the XX–XXI centuries*. Moscow: CSP. (In Russ.)
- Arutunyan Yu.V. (ed.) (2011) *Russians: Ethnosociological studies*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Ethnic politics in the Baltic States*. IEA. (2013) Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Georgia: Metropolitan Residents* (1997) Moscow: IEA RAN. (In Russ.)
- Khoperskaya L.L. (2012). Russian compatriots in Central Asia – a demographic resource, a cut-off hunk or the guardians of the Russian world? *Etnopanorama* [Ethnopanorama]. No. 3–4: 5–12. (In Russ.)
- Lebedeva N.M. (1995) *The New Russian Diaspora: A Socio-psychological analysis*. Moscow: Institute of Ethnography and Anthropology. (In Russ.)
- Mazur Yu. Yu. (2012) Preservation of ethnocultural identity and problems of education: Russians in Lithuania. *Vestnik Baltijskogo federalnogo universiteta*. [Bulletin of the Baltic Federal University]. No. 6: 31–38. (In Russ.)
- Malgin A.V. (2008) Russians in the near abroad: What is the "adaptation"? *etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. No. 2: 13–15. (In Russ.)
- Matulionis A.V., Freyute-Rakauskene M. (2014) The identity of the Russian ethnic group and its expression in Lithuania and Latvia. Comparative aspect. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [The World of Russia. Sociology. Ethnology]. No. 1: 88–114. (In Russ.)
- Mitrofanova I.V., Suschiy S. Ya. (2017) Russians in Ukraine: geodemographic results of the post-Soviet period and medium-term prospects. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 45–58. DOI: 10.7868/S0132162517080050. (In Russ.)

- Mukomel V.I. (2008) Who are we? Where are we from? Where are we going? *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. No. 2: 15–18. (In Russ.)
- Ostapenko L.V., Subbotina I.A., Nesterova S.L. (2012) *Russians in Moldova. Twenty years later... (ethnological research)*. Moscow: IEA RAN. (In Russ.)
- Ostapenko L.V., Subbotina I.A. (2011) Russians in Moldova: socio-demographic transformations. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 61–71.
- Russians: *Ethnosociological essays*. (1992) Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Savin I.S. (2010) Russians in modern Kazakhstan. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 81–88. (In Russ.)
- Savin I.S. (1996) The ethnic aspect of the modern socio-economic situation in Kazakhstan. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. No. 5: 39–57. (In Russ.)
- Savoskul S.S. (2001) *Russians of the new Abroad: The choice of fate* Moscow: Nauka.
- Savoskul S.S. (2008) A little bit about the study of the Russians of the new Abroad. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. No. 2: 33–41. (In Russ.)
- Simonyan R.H. (2004) The New Baltic subethnos – “Eurorussian”. *Sociologiya vlasti* [Sociology of Power]. No. 2: 59–76. (In Russ.)
- Simonyan R.H. (2023) The specifics of the identity of students of the borderlands of Russia and Ukraine (on the example of Belgorod and Kharkov State Universities). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 108–116. DOI: 10.31857/S013216250025806-9. (In Russ.)
- Suschiy S. Ya. (2021) Russians in the South Caucasus: factors of dynamics in the post-Soviet period and geodemographic prospects. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 26–41. DOI: 10.31857/S013216250015744-1. (In Russ.)
- Suschiy S. Ya. (2020) Russian population of the near abroad: geodemographic dynamics of the post-Soviet period. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review]. Vol. 7. No. 2: 6–30. (In Russ.)
- Suschiy S. Ya. (2022) Russians in the countries of Central Asia: geodemographic trends of the post-Soviet period. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 27–46. DOI: 10.31857/S013216250019640-7. (In Russ.)
- Tishkov V.A. (1993) Russians as minorities (the example of Estonia). *Obshchestvennye nauki i sovremennost*. [Social Sciences and Modernity]. No. 6: 110–124. (In Russ.)
- The problem of the rights of national minorities in Latvia and Estonia*. (2009) Moscow: Russkaya panorama. (In Russ.)
- Tsiryapkina Yu.N. (2015) Russians in Uzbekistan: language practices and self-identification (on the example of field research in Ferghana). *Tomskij zhurnal LING i ANTR* [Tomsk Journal of LING and ANTR]. No. 3: 18–28. (In Russ.)
- Volkov V.V., Poleshchuk V.V. (2019) The current state of interethnic communication in Latvia and Estonia. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 59–67. DOI: 10.31857/S013216250004008-1. (In Russ.)
- Volkov V.V. (2012) Integration of society in Latvia: the positions of ethnic minorities. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 54–63. (In Russ.)

Received: 13.05.24. Final version: 14.06.2024. Accepted: 30.07.2024.